

К. И. ЯРМОШУК¹⁾, Ю. И. МАЛЕВИЧ²⁾

¹⁾Белорусский государственный университет; пр. Независимости, 4, 220030, Минск, Беларусь; karinayarmoshuk@gmail.com

²⁾Белорусский государственный университет; пр. Независимости, 4, 220030, Минск, Беларусь; malejill@rambler.ru

УГРОЗА ТЕРРОРИЗМА В АВСТРАЛИИ КАК МЕЖДУНАРОДНАЯ ПРОБЛЕМА

Выбор темы обусловлен, с одной стороны, расширением угрозы терроризма и тем, что на современном этапе ни одна страна не застрахована от нее, а с другой – тем, что Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) является одним из самых быстрорастущих и динамически развивающихся регионов мира, где Австралия является мощным игроком и оказывает влияние на развитие субрегионов АТР. Работа является уникальной для русскоязычной литературы, так как это первое исследование, которое содержит в себе обширный обзор современных трендов угрозы терроризма в Австралии. Результаты исследования могут быть использованы для дальнейшей разработки данной темы и в более комплексных исследованиях в сфере международной безопасности.

Ключевые слова: угроза терроризма; салафитский джихадизм; Исламское государство; Аль-Каида; кибербезопасность.

K. YARMOSHUK¹⁾, Y. MALEVICH²⁾

¹⁾Belorussian State University; Nezavisimosti ave., 4, 220030, Minsk, Belarus; karinayarmoshuk@gmail.com

²⁾Belarusian State University; Nezavisimosti ave, 4, 220030, Minsk, Belarus; malejill@rambler.ru

TERRORISM THREAT IN AUSTRALIA AS AN INTERNATIONAL PROBLEM

The choice of topic is determined on the one hand by the expanding threat of terrorism and the fact that no country is safe from it nowadays, and on the other hand by the fact that Asia-Pacific Region is one of the most dynamically growing and developing regions in the world, where Australia is a powerful player and affects the development of subregions of the Asia-Pacific region. The purpose of the study is to identify and characterize the main features of the terrorist threat in Australia. The work is unique for Russian-language

literature, as it is the first study to contain an extensive overview of current terrorism threat trends in Australia. The results of the study can be used for further development of this topic and for more comprehensive studies in the field of international security.

Keywords: *terrorist threat; Salafi jihadism; Islamic State; Al Qaeda; cybersecurity.*

На современном этапе проблема **международного терроризма** относится к числу самых опасных и трудно прогнозируемых явлений современности, приобретающих все более разнообразные формы и угрожающие масштабы. Помимо национальных террористических групп, незаконных вооруженных формирований и других экстремистских организаций, признающих террористические методы борьбы, возникают и международные террористические организации (МТО), которые представляют собой наибольшую угрозу и опасность для общества, так как они имеют собственные независимые источники финансирования и осуществляют свою деятельность в различных регионах мира [1]. Важно подчеркнуть, что в настоящее время довольно трудно найти государство, которое могло бы считать себя застрахованным от террористических действий [2]. Принимая во внимание то, что Австралия является мощным актором в ИТР и играет большую роль в развитии островных государств ЮТР, важно определить особенности террористической угрозы в Австралии.

В этой стране наблюдался относительно низкий уровень террористической активности по международным стандартам в 2018 г. Более того, благодаря эффективной системе обнаружения и раннего вмешательства в Австралии с 11 сентября 2001 г. по настоящее время на австралийской земле не было успешно проведенных террористических атак салафитских джихадистов. Однако с 2014 г. уровень угрозы в Австралии оценивается как «вероятный», что означает существование достоверных сведений о том, что отдельные лица или группы продолжают намереваться (и обладают способностью) совершить теракт. И Мельбурн, и Сидней были показаны в видео и публикациях джихадистов. Более того, Австралия столкнулась с многочисленными террористическими заговорами. Например, в период с 2013 по 2019 гг. в Австралии было сорвано не менее 15 заговоров, с 2001 г. по январь 2019 г. 58 австралийцев были осуждены за террористические преступления, и более 80 % этих приговоров были вынесены за последние три года [3].

1. Особенности террористической ситуации в Австралии. Важно отметить, что, проанализировав множество официальных документов, статей и докладов научного сообщества Австралии,

бросается в глаза отчетливая риторика, что **наибольшую опасность для Австралии представляет салафитский джихадизм** [4]. Религиозно-политическая идеология салафитского джихадизма основана на взгляде на первые годы религии, чтобы понять, как должен быть упорядочен современный мир. Они отвергают религиозные инновации и поддерживают применение шариата (исламского закона) [5]. Они также верят в «физический» джихадизм [6].

Ключевым событием в формировании подхода Австралии к угрозе, создаваемой салафитским джихадизмом, стали взрывы на Бали в 2002 г. В результате взрывов погибли 202 человека, 88 из которых – австралийцы (второй взрыв в октябре 2005 г. привел к гибели 20 человек, четверо из которых – австралийцы). Следовательно, Австралия была одной из первых стран, которая поддержала операцию «Несокрушимая свобода» в Афганистане [3].

Австралия имеет большие интересы в области безопасности и экономики в ЮВА. Любая обычная военная угроза, а также угрозы, связанные с транснациональной преступностью, включая контрабанду людей и незаконный оборот наркотиков, в особенности терроризм, будут проходить через архипелаг к северу Австралии [7]. Неудивительно, что Австралия обеспокоена именно салафитским джихадизмом, ведь в числе организаций салафитского джихадизма есть такие организации, как Абу Сайяф (Филиппины), Аль-Каида в Ачехе (Индонезия), Джемаа Исламия (Индонезия, Малайзия, Филиппины, Сингапур) и др., которые базируются в ЮВА. Более того, стоит отметить, что ИГ, Аль-Каида, Боко хорам также являются организациями салафитского джихадизма.

2. Особый фокус направлен на опасность ИГ и Аль-Каиды. В австралийском контртеррористическом ежегоднике 2019 г. (Counterterrorism yearbook 2019) говорится, что глобальная угроза терроризма является более разнообразной, чем когда-либо прежде, и ИГ остается наиболее влиятельной силой. Военные потери ИГ в Сирии и Ираке хотя и велики, но не устраняют угрозу, которую организация представляет для Австралии и австралийских интересов. ИГ продолжает вдохновлять, радикализировать и направлять людей в Австралии на поддержку и участие в политически мотивированном насилии [8]. После конфликта в Марави, городе на юге Филиппин, в Австралии начали высказывать предположение, что ИГ пытается создать региональный плацдарм, с которого оно сможет совершать атаки в Индо-Тихоокеанском регионе [9].

И Аль-Каида, и ИГИЛ обращаются к Индо-Тихоокеанскому региону, стремясь использовать недовольства местного населения для рекрутинга в свои ряды. Они подчеркивали несоблюдение религиозных практик в обществах с мусульманским большинством; указали на плохое обращение, которому подвергаются мусульмане в Индии и Мьянме; поддерживали разочарование многих людей в отношении глобализации [3].

В самой Австралии сторонники ИГ переводили деньги, вербовали бойцов и предпринимали попытки террористических атак. С сентября 2014 г. в Австралии было совершено 7 нападений во имя ИГ, в результате которых погибли 5 человек. В течение того же периода в суде были доказаны 11 террористических заговоров, вдохновленных или руководимых ИГ [8].

3. Заметный переход от крупномасштабных, скоординированных и изощренных атак к более мелким, низкоуровневым атакам с примитивным или легкодоступным оружием, таким как грузовики, ножи и пистолеты. В 2019 г. сторонник ИГ нанес жестокий удар ножом в Мельбурне, а во время другого инцидента сторонник ИГ попытался взорвать автомобиль в деловом районе Мельбурна, прежде чем нанести удар по трем австралийцам, один из которых умер [8]. Для разведки и правоохранительных органов такие атаки сложно прогнозировать и предотвращать, особенно если ресурсы безопасности ограничены.

4. Угроза возвращения иностранных боевиков в страну своего происхождения или в страну третьего «принимающего» государства остается высокой. За последние пять лет 230 австралийцев выезжали за границу, чтобы присоединиться к ИГ и другим группам джихадистов в Сирии и Ираке, выступая в качестве фронтовых бойцов, террористов-самоубийц, пропагандистов, врачей и зачинщиков нападений за границей [8].

5. Одним из современных вызовов системе противодействия терроризму в Австралии является **усиление участия детей в терактах.** Ярким примером является убийство Кёртиса Ченга 15-летним Фарадом Джабаром. В настоящее время восемь австралийских несовершеннолетних обвиняются в преступлениях, связанных с терроризмом, а четыре уже осуждены [8]. В результате расследования инцидента на улице Бурк, штат Виктория, были осуждены лица, большинство из которых моложе 21 года [3].

6. Женщины также начали играть более значительную роль в угрозе безопасности, чем это было раньше. В 2018 г. Австралия наблюдала первый случай насилия, вдохновленного ИГ, со стороны женщины Момены Шома, а также первый случай, когда уже гражданка Австралии Зайнаб Абдирахман-Халиф была осуждена за преступление, связанное с терроризмом. Также примечательно то, что судебное разбирательство в марте 2018 г. выявило ключевую роль сестры Фархада Джабара, Шади Мохаммада Джабара, в убийстве Кёртиса Чена [8].

7. Еще одной проблемой стала перспектива участия террористов в радикализации заключенных после их освобождения. Правительство штата Новый Южный Уэльс очень обеспокоено этим риском и поэтому приняло Закон о терроризме (правонарушителях с высоким уровнем риска) (the Terrorism (High Risk Offenders) Act) 22 ноября 2017 г.

Рецидивизм не нов, но в случаях терроризма он может привести к серьезным противоречиям. Это стало очевидным после осады Брайтона (пригород Мельбурна, штат Виктория, Австралия) в мае 2017 г., совершенной австралийцем Якубом Хайром (Yacqub Khaure), который несколько раз был заключен в тюрьму за насильственные преступления, но освобожден условно-досрочно за шесть месяцев до нападения. Тогда федеральный генеральный прокурор Джордж Брандис возложил вину за инцидент на власти штата Виктория, ответственные за УДО, а другие министры федерального правительства АС обвинили судебную систему Виктории в том, что она «мягко» относится к вопросам терроризма. Эта ситуация показывает определенный сдвиг в ожиданиях: теперь не только органы, ответственные за безопасность, должны предпринимать действия по предотвращению терактов, но и суды, комиссии по УДО и т. д. [8].

8. Австралия уделяет большое внимание кибербезопасности. Ключевым театром действий является киберпространство, где ИГ участвует в онлайн-пропаганде, чтобы привлечь сторонников, мобилизовать средства и ресурсы, подготовить и натренировать террористов, поскольку это удобнее и дешевле создания центров обучения [10]. Австралия является одним из лидирующих государств АТР не только по показателям политической стабильности, экономического развития, уровня образования, но и развития ИКТ. Восемь из десяти австралийцев ежедневно пользуются интернетом, двое из трех австралийцев

имеют аккаунты в социальных сетях. В 2019 г. в среднестатистической австралийской семье к интернету подключены в среднем 24 устройства [11]. В ноябре 2017 г. отмечается рекордное количество случаев взлома баз данных в Австралии – 50 000 случаев. Поэтому кибербезопасность является третьим из 7 приоритетных направлений в обеспечении национальной безопасности в Австралии [11].

Таким образом, можно выделить следующие особенности террористической ситуации в Австралии: 1) наибольшую опасность для Австралии представляет салафитский джихадизм; 2) особый фокус направлен на опасность ИГ и Аль-Каиды; 3) заметен переход от крупномасштабных, скоординированных и изолированных атак к более мелким, низкоуровневым атакам с примитивным или легкодоступным оружием; 4) угроза возвращения иностранных боевиков; 5) усиление участия детей в терактах; 6) женщины также начали играть более значительную роль в угрозе безопасности; 7) перспектива участия террористов в радикализации заключенных после их освобождения; 8) большое внимание кибербезопасности.

Библиографические ссылки

1. Савельева Е., Буденкова В. Идентичность террориста: факторы формирования и методология изучения // Философия, наука, гуманизм в эпоху глобальной турбулентности : сб. науч. тр. Всерос. науч. конф. / Новосиб. нац. исслед. гос. ун-т. Новосибирск, 2018. С. 233–238.

2. Коновалова Е., Кадырова З. Международный терроризм как глобальная проблема современности // Аллея науки. 2017. № 16. С. 723–727.

3. Kfir I. 18 years and counting Australian counterterrorism, threats and responses [Electronic resource] // The Australian Strategic Policy Institute. 2019. URL: https://s3-ap-southeast-2.amazonaws.com/ad-aspi/2019-04/18%20Years%20and%20counting.pdf?5J2Se2RxM9CZa6QD5300yij_wP4f.ANm (date of access: 21.07.2019).

4. The Global Salafi Jihad [Electronic resource] // National Commission on Terrorist attacks upon the United States. 2003. URL: http://govinfo.library.unt.edu/911/hearings/hearing3/witness_sageman.htm (date of access: 20.07.2019).

5. Politics and the puritanical [Electronic resource] // The Economist. 2015. URL: <https://www.economist.com/middle-east-and-africa/2015/06/25/politics-and-the-puritanical> (date of access: 20.07.2019).

6. Jones S. A Persistent Threat: the evolution of al Qa'ida and other salafi jihadists [Electronic resource] // The Australian Strategic Policy Institute. 2019. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR600/RR637/RAND_RR637.pdf (date of access: 22.07.2019).

7. Скоробогатых Н. Австралийское общество и исламский терроризм // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2017. № 3. С. 140–151.

8. *Kfir I., Grice G.* Counterterrorism yearbook 2019 [Electronic resource] // RAND – National Defense Reserach Institute. 2014. URL: https://s3-ap-southeast-2.amazonaws.com/ad-aspi/2019-03/ASPI%20Counterterrorism%20YB2019_acc_1.pdf?VWvpiCRC_om4gXFvmBHvSn0NIDNOrMvM (date of access: 25.07.2019).

9. *Kfir I.* 3rd Australia-Europe Counter-Terrorism Dialogue: Transforming the new threat landscape [Electronic resource] // The Australian Strategic Policy Institute. 2019. URL: https://s3-ap-southeast-2.amazonaws.com/ad-aspi/2019-04/18%20Years%20and%20counting.pdf?5J2Se2RxM9CZa6QD5300yij_wP4f.ANm (date of access: 21.07.2019).

10. *Uren T., Cave D.* Threat posed by evil nations and criminals in cyber-land is rising [Electronic resource] // The Australian Strategic Policy Institute. 2017. URL: https://s3-ap-southeast-2.amazonaws.com/ad-aspi/2018-02/SR%20118%20Third%20ASPI%20KAS%20Dialogue.pdf?LzJPEUVj5Rxxolz9vYDfToYTR1wsXW_9 (date of access: 26.03.2019).

11. Cyber security strategy 2016 [Electronic resource] // Australian Department of Home Affairs. 2016. URL: <https://www.pmc.gov.au/sites/default/files/publications/australias-cyber-security-strategy.pdf> (date of access: 20.08.2019).